
На правах рукописи

Шигакова Наталья Павловна

**В. НАБОКОВ И Г. ГАЗДАНОВ:
ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ**

Специальность 10.01.01 Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Орел – 2011

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»

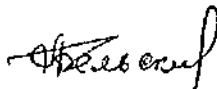
Научный руководитель	Драгунова Юлия Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент
Официальные оппоненты:	Калениченко Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент
	Меркурьева Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент
Ведущая организация	ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Защита диссертации состоится 21 июня 2011 г. в 16 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.183.02 при Орловском государственном университете по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Орловский государственный университет».

Автореферат разослан «10» мая 2011 г.

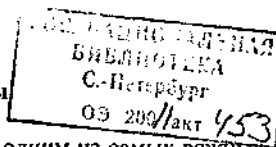
Ученый секретарь
диссертационного совета

А.А. Бельская

2011А
11311

Общая характеристика работы

Изучение творческих связей писателей было и остается одним из самых важных направлений в литературоведении. Сопоставление творческого наследия Владимира Набокова (1899-1977) и Гайто Газданова (1903-1971), заслуженно отнесенного в наше время к выдающимся образцам русской литературы XX века, обусловлено актуальными задачами современной науки. В настоящий период активизации внимания к эпохе Русского Зарубежья можно обозначить ряд ключевых проблем, среди которых – изучение не столь давно осваиваемой страницы литературной эмиграции: творчества писателей молодого, или «незамеченного», поколения.

Основанием для сближения прозаиков стало сходство их творческих судеб. Набоков и Газданов являются представителями молодого поколения с типичными для данной литературы мировоззренческими установками и жанрово-стилевым своеобразием, оба покинули Россию в юношеском возрасте, добились литературного признания уже за рубежом. Слава к ним пришла в 30-х годах. В историю русской литературы Набоков и Газданов вошли не только как талантливые писатели, но и как активные пропагандисты отечественной культуры за рубежом. Художники не были близко знакомы. Тем не менее, достаточно скупые на похвалы, оба они положительно отзывались о творчестве друг друга.

Интерес к сопоставлению творческого наследия Набокова и Газданова проявляли уже современники авторов: М. Слоним, В. Ходасевич, Н.Оцуп, В. Вейдле и др. Часто они обвиняли писателей в «нерусскости» (Ю. Терапиано, М. Осоргин), Г. Адамович писал о «внутренней пустоте» обоих, Г. Струве подчеркивал отсутствие внимания со стороны авторов к героям своих произведений, В. Варшавский упрекал прозаиков в «безправственности».

В современном мировом литературоведении имена Набокова и Газданова впервые сопоставил американский ученый Л. Диенеш. Особенности творческих связей между авторами прослежены в работах М. Шульмана, Б. Земскова, В. Сошкина, Ф. Герблера, И. Сухих, Т. Красавченко, С. Кибальника, Ю. Матвеевой, Е. Проскуриной и др. Исследователи, как правило, отмечают близость творческого пути авторов, но предпочитают акцентировать внимание на разности взглядов и позиций Набокова и Газданова. Однако литературоведами лишь намечаются пути сопоставления творческого наследия писателей, обосновывается необходимость подобного исследования, комплексное выявление типов связей между Набоковым и Газдановым предпринимается впервые.

Взгляды писателей формировались в один и тот же период времени и интерес к сопоставлению их творчества определен сходством «... стадийного развития общественных и исторических условий»¹.

Актуальность исследования обусловлена рассмотрением творчества представителей молодого поколения Русского Зарубежья применительно к развитию литературы XX века и в контексте проблемы национальной идентичности.

Научная новизна определяется системным сравнительно-сопоставительным подходом к творчеству Набокова и Газданова. При этом художественное наследие авторов рассматривается в нескольких аспектах:

- формирования авторского сознания под влиянием философских идей;
- этико-эстетической системы взглядов на мир, человека и искусство;

¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 20.

- концептуальной и художественной организацией хронотопа в творчестве Набокова и Газданова;

- интертекстуальном аспекте.

Творческая личность наиболее ярко проявляется в контексте современного ему литературного творчества, поэтому предметом исследования стали творческие связи между Набоковым и Газдановым.

Объект исследования – творческое наследие писателей младшего поколения первой волны эмиграции – В. Набокова и Г. Газданова.

Материалом исследования – романы и новеллистика писателей 20-30-х годов, а также эссеистика, эпистолярное наследие писателей и интервью. Отдельно привлекается художественный, эссеистский и эпистолярный материал 50-60-х годов.

Цель работы – выявить специфику творческих связей между Набоковым и Газдановым.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи:

– исследовать особенности художественного сознания писателей, формировавшегося под влиянием философии экзистенциально-антропологического направления;

– осмыслить роль времени, памяти и искусства в художественном сознании Набокова и Газданова;

– рассмотреть пространственно-временную специфику художественных произведений Набокова и Газданова;

– определить место *онейросферы* в художественном сознании писателей;

– рассмотреть своеобразие интертекста как составляющей хронотопической модели в творчестве авторов.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют философские работы А. Бергсона, Н. Бердяева, Ф. Ницше, Б. Паскаля, А. Шопенгауэра, Д. Юма; теоретические разработки ученых по проблемам теории и истории литературы, экзистенциальной философии: А. Арьеса, Р. Барта, М. Бахтина, Ал. Веселовского, В. Жирмунского, В. Заманской, Л. Колобасовой, Дж. Копполи, Ю. Лотмана, И. Неупокосвой, Б. Сарнова, И. Фоменко, И. Шайтанова и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Художественное сознание Набокова и Газданова формировалось под воздействием философии экзистенциально-антропологического направления и отразило характерные особенности мировоззрения молодого поколения первой волны русской эмиграции.

2) Оба писателя являются агностиками. Вселенная, по мнению авторов, безгранична, тогда как разум имеет определенные границы. Данная точка зрения позволяет не только сделать вывод о непознаваемости Вселенной, но и постулировать «агностицизм» человека, обусловленный его «двойственной» природой, синтезирующей в себе разум и чувства, ничтожность и величие. Человек представлен в художественном сознании Набокова и Газданова как микрокосм, отражающий законы бытия Вселенной.

3) Доминирующими концептами в творчестве Набокова и Газданова становятся концепты жизни, смерти, одиночества, памяти, Истины, творчества, приобретающие у Набокова и Газданова амбивалентную характеристику.

4) В художественном мире писателей формируется хронотопическая модель, включающая в себя разветвленную структуру романских хронотопов, а также *онейросферу* и реминисценции. Специфика пространственно-временной структуры

обусловлена комплексом авторских задач: созданием собственной – художественной – реальности и игрового пространства у Набокова, и представлением Газданова о многомерности универсума не только в пространственном аспекте, но и во временных пластах, что обуславливает концепцию цикличности времени и повторяемости истории. Художественный топос отрывается как перекресток нескольких культур. Моделируется реальное и идеальное пространства, с характерными вертикальными передвижениями героев произведений, призванных отразить преодоление экзистенциального ужаса жизни и стремление к познанию Истины.

5) Путешествие становится одной из форм познания окружающего мира и собственного «я», путь осмысливается как метафора жизни человека.

6) Сновидения в поэтике авторов имеют полифункциональный характер, выполняя прогностическую, философско-эстетическую, психологическую, сюжетообразующую функции. Онейросфера художников амбивалентна, в ней воплощены бинарные представления «сон есть жизнь» и «сон есть смерть». С одной стороны, сновидения моделируют Истинную реальность или становятся границей при переходе в эту данность, воплощают мечту; с другой, – сон является отражением пошлости и гибельности бытия.

7) Реминисценции отражают взгляды писателей, становятся одним из приемов создания литературного образа, выполняют прогностическую и психологическую функции.

8) Разветвленная система хронотопов (бытовой, личный, мифологический и др.), онейрический хронотоп и реминисценции образуют металитературное пространство, в котором подчеркивается диффузный характер взаимоотношений: снимается оппозиция сна и яви, сна и литературы, творчества и жизни, творчества и смерти, пространства и времени.

Методы исследования. В работе применяются принципы комплексного анализа художественного произведения с привлечением сравнительно-типологического, сравнительно-исторического, историко-литературного, системно-структурного методов.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные в ходе работы данные позволяют расширить представление о феномене культурной и литературной ситуации Русского Зарубежья в целом и охарактеризовать особенности формирования сознания Набокова и Газданова в частности.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее материалов и результатов в практике преподавания в вузе при чтении лекций по русской литературе XX века, спецсеминарам по проблемам, связанным с изучением литературы Русского Зарубежья, творчества Набокова и Газданова, с изучением особенностей хронотопа и онейросферы в творчестве писателей, при подготовке спецкурсов.

Апробация исследования осуществлялась в процессе работы Международных: «Литература Великобритании в контексте мирового литературного процесса. Вечные литературные образы» (Орел, 2007), «Русская цивилизация: диалог в культурном пространстве» (Орел, 2008), «Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности» (Тамбов, 2009), «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия» (Орел, 2010); Всероссийских научных конференций: «Бунинские чтения в Орле-2008», (Орел, 2008), «Литературный персонаж как форма воплощения

авторских интенций» (Астрахань, 2009), «Русская литература и философия: постижение человека» (Липецк, 2009); а также вузовской конференции в рамках Недели науки (Орел, 2009). Материалы исследования обсуждались на аспирантских объединениях и заседаниях кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета (2008, 2009, 2010) и отражены в 9 публикациях.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Библиографического списка. Общий объем составляет 239 страниц. Список литературы включает 416 наименований.

Основное содержание работы

Во Введении обосновываются актуальность и научная новизна темы диссертации, устанавливается степень ее изученности, формулируются предмет, цели и задачи работы, теоретико-методологическая база исследования, его теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту.

1 глава – «Особенности художественного сознания В. Набокова и Г. Газданова» – посвящена особенностям формирования мировоззрения писателей.

В § 1 – «Влияние философской мысли на формирование художественного сознания писателей молодого поколения первой волны эмиграции» – раскрывается понятие «художественное сознание», обосновывается мысль о формировании мировоззрения писателей под влиянием философских учений экзистенциально-антропологического направления. Под художественным сознанием мы понимаем целостную систему этического-эстетических взглядов писателя, сформированную под воздействием различных культурно-исторических фактов, отраженную в художественном и публицистическом наследии.

Мировоззрение Набокова и Газданова складывалось под влиянием работ Б. Паскаля, Д. Юма, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, экзистенциалистов XX века, Н. Бердяева и др. Увлеченность писателями философией экзистенциально-антропологического направления отражена в произведениях Набокова (романы «Дар», «Приглашение на казнь», повесть «Отчаяние») и Газданова (романы «Вечер у Клэр», «Ночные дороги», «Пробуждение», рассказы «Общество восьмерки пик», «Письма Иванаова» и др.).

Культурно-философская ситуация той литературной среды, в которой формировалось художественное сознание Набокова и Газданова определяется выходом истории философии на новый уровень развития: объект философского знания смещается с познания мира на человеческий субъект. Особое значение приобретает философия экзистенциализма, отразившая мироощущение человека как переломной эпохи (XIX-XX век), так и непосредственно XX века. Появление экзистенциализма как философского направления стало логическим завершением сформировавшегося на рубеже веков мироощущения, теоретически зафиксировав сложившийся взгляд на личность и ее место в мире. В послевоенное время молодая интеллигенция, поставленная в жесткие условия существования и столкнувшаяся со смертью, почувствовала полнейший разрыв между реальностью и теми идеалами, в верности которым она была воспитана. Это привело к доминированию трагических и «упаднических» мотивов в мировоззрении мыслящего большинства.

В работе дана характеристика экзистенциальной философии. Существенными характеристиками данной философии являются следующие: бытие должно быть

познаю интуитивно; всякая экзистенция – индивид – имеет свою конечность, смертность; трагизм человеческого существования обусловлен его заброшенностью в определенную пространственно-временную ситуацию; одним из важнейших определений является определение трансцендирования; центральные проблемы философии – проблемы человеческих пределов и человеческой свободы; существование онтологически одинокой личности происходит в двух параллельных, но не равнозначных друг другу мирах: «существование в себе», раскрывающее истинное бытие человека, и «существование, выброшенное в мир», которое характеризуется хаотичностью, господством общего, безличного над индивидуальным; общение индивидов не является подлинным и лишь подчеркивает онтологическое одиночество человека.

Тем не менее, взгляды Набокова и Газданова соотносятся не столько с экзистенциальной философией, сколько с экзистенциально-антропологическим направлением. Экзистенциально-антропологическое направление в философии, сформировавшееся в трудах отдельных мыслителей и писателей (Б. Паскаль, Д. Юм, Н. Бердяев, Ф. Тютчев, Ф. Достоевский), возникло задолго до теоретического оформления экзистенциализма. Оно является органической частью всемирного развития философской мысли и становится пресмычком мировой иррационалистической традиции от Я. Бёме до Ф. Ницше. Экзистенциальное мироощущение также нашло отражение и в русской оригинальной философии начала XX века, в частности, в работах Н. Бердяева.

Учение Н. Бердяева занимает особое место в истории мировой философской мысли. Сам философ никогда не отождествлял свое учение с экзистенциальной философией, хотя и не единожды указывал на близость своих убеждений мыслям экзистенциалистов. Н. Бердяеву близка мысль М. Хайдеггера о двуплановости человеческого бытия. Русский мыслитель неоднократно упрекал представителей экзистенциальной философии в том, что они, описывая абсурдное и хаотичное «существование, выброшенное в мир», не раскрывают возможности для человека жизни в любви, прощении, творчестве. Сам Бердяев разрабатывает весьма разветвленную концепцию личности, пренебрегая таким популярным в европейском экзистенциализме понятием, как «экзистенция». В его работах проявилось глубокое уважение и восхищение перед творческой личностью.

История русской философской мысли всегда была неотделима от истории литературы. В русской культуре художественной литературе принадлежит особое место, ее открытия воздействовали не только на русский литературный процесс, но и на развитие отечественной философской мысли. Русская литература часто выступала как форма неофициальной философии, специфически трактуя вопросы смерти и жизни, творчества и бессмертия, свободы и необходимости, случайности и закономерности.

Основные черты экзистенциально-антропологической философии наиболее ярко концептуализировались в художественном сознании представителей младшего поколения первой волны русской эмиграции. В работе характеризуется литературная ситуация периода 20-30-х годов XX века и выявляются особенности художественного мира представителей старшего поколения и младшего. Подчеркивается как сходство позиций старших и младших (доминирование национального элемента в творческом наследии, вера в будущее, верность традиционным для русской литературы эстетическим ценностям), так и отличия между ними. Представители младшего поколения, как никто ранее, отобразили «изнанку бытия», обратили внимание на

бессмысленность существования человека, актуализировали внимание на трагичности и мимолетности жизни. Это позволяет охарактеризовать их сознание как разомкнутое, противоречивое, амбивалентное.

В § 2 – «Агностицизм» В. Набокова и Г. Газданова» – рассмотрены особенности агностической составляющей художественного сознания писателей.

В экзистенциально-антропологической картине мира достаточную популярность приобрела идея о непознаваемости мира и человека рациональным путем. Постулат о невозможности рационального познания действительности, впервые сформулированный в работах Б. Паскаля и получивший дальнейшее теоретическое воплощение в трудах Д.Юма, наиболее ярко воплотился в художественном сознании молодых писателей первой волны эмиграции.

Под термином «агностицизм» понимается отрицание абсолютного познания трансцендентальной Истины. При характеристике агностицизма следует иметь в виду, что его нельзя представлять как концепцию, отрицающую сам факт познания. Речь идет не собственно о самом познании и не о попытках прорыва к Истине, но об ограниченных возможностях человеческого разума и чувств, обусловленных земной природой индивида.

Согласно позиции Набокова и Газданова, существуют два типа знания: бытовое и бытийное, отличающееся неперменным обращением к субстанциальным ценностям. Бытовым знанием обладают представители пошлого мира. Для него характерны прагматизм, догматизм, консервативность, стандартизация мышления. Но существует и онтологическое знание об Истинности вещей. Разуму не дано проникнуть в таинственные сферы потустороннего, где находится Истина. Ее познание возможно с помощью интуитивных прозрений, прорыва воображения в трансцендентальные области.

Человечество, поставившее свой разум превыше всего, пытается при помощи него объяснить не только законы природы, но и само назначение человека в мире. По мысли Набокова и Газданова, следовавших за Паскалем, данный подход к постижению действительности отличается некоторой односторонностью и приводит к отнюдь не бесспорному выводу о величии человеческого могущества. Познательная беспомощность человека перед началом и концом его существования и загадкой смерти, неспособность решить самые главные вопросы, одиночество личности во Вселенной – именно данные аспекты человеческого существования оказываются в центре внимания философа и писателей.

Герои произведений Набокова, и в частности персонаж рассказа «Подлец», пытаются разрешить онтологические вопросы, проблему смерти и бессмертия, опираясь на логику. Автором подчеркивается невозможность этого. Смерть, согласно Набокову, можно лишь ощутить, почувствовать, но не осознать. Герои Набокова в смертельно опасные минуты теряют возможность рассуждать логически. При этом приоритетное положение в познании окружающей действительности смещается с рационального подхода на эмоционально-тактильное восприятие. Персонажи писателя обретают новое зрение, раскрывающее не замечаемую ими ранее красоту мира, физическое совершенство человека, чувственные возможности каждого, самоценность жизни.

Газданов не раз в своих произведениях отмечал невозможность познания действительности. Подобный подход к миропорядку отражен уже в первом романе «Вечер у Клар». Газдановым акцентируется внимание на ограниченности познавательной сферы человеческого разума. В то же время стремление к

воссоединению с Ктэр обусловлено жадой пропикновения героя в Истинные сферы бытия, желанием объяснить не только законы мироздания, но и природу человека. Попинание невозможности познания абсолюта и стремление к его воплощению формируют у героев Газданова осознание несовершенства человеческой природы. Николай – главный герой романа – осознает бессмысленность любого религиозного или философского догмата, созданного человеком, а, следовательно, в силу ограниченности человеческих возможностей, уже не абсолютного, иллюзорного.

Невозможность рационального познания действительности обусловлена взглядами Набокова и Газданова на мироустройство. Действительность представляет собой не линейную схему, а многоуровневую систему. Вселенная безгранична, тогда как разум имеет определенные границы. Тем не менее, величие человека, согласно концепциям Набокова и Газданова, заключается в осознании его ничтожности перед пространствами Вселенной. Данная точка зрения позволяет не только сделать вывод о непознаваемости Вселенной, но и постулировать «агностицизм» человека, обусловленный его «двойственной» природой, синтезирующей в себе разум и чувства, ничтожность и величие. Человеческая мысль и чувства, являющиеся бесконечно малой и несовершенной частицей Вселенной, становятся единственно возможными вариантами преодоления смерти.

Понимание этого вынуждает писателей обратиться к человеку. Интерес в произведениях Газданова и Набокова смещается с изучения мира как такового на исследование «внутренней вселенной» (Е. Асмолова) каждого из живущих. Противоречивость человеческой природы рассмотрена на примерах героев романа Набокова «Защита Лужина» и рассказа Газданова «Черные лебеди».

Амбивалентность художественного сознания Набокова и Газданова обусловлена представлением писателей о дуплаовости человеческого бытия, номинируемых Н. Бердяевым как «существование, выброшенное в мир» и «существование в себе».

«Существование, выброшенное в мир» отождествляется для Набокова и Газданова с окружающим миром и становится объектом внимания в § 3 – «Трагизм мира как составляющая художественного сознания В. Набокова и Г. Газданова». Человеческая жизнь в подобном мире осмысливается как предопределенный рок или путь страданий. Пограничные ситуации рока и вины в таком случае выступают в качестве дефиниций пограничной ситуации смерти. Мир рассматривается художниками через призму двух концептов: жизни и смерти.

Тема смерти присутствует во всех произведениях Набокова и Газданова, занимая либо центральное положение, либо являясь периферийной, органично переплетаясь с темами бессмертия, памяти, любви и искусства. Отношение к смерти у Набокова и Газданова драматически сложно. Они испытывают страх перед неизбежным столкновением со смертью, осознать которую невозможно, жизнь в таком случае осмысливается как страдание, как путь к концу. В то же время смерть соседствует с жизнью в творческом наследии авторов, она неотрывна от существования их героев. Знакомство со смертью ближайших родственников, как правило, осуществляется уже в детстве и преследует персонажей на всем протяжении жизни, обуславливая, таким образом, трагизм их сознания.

Набоковская концепция смерти эксплицируется в романе «Подвиг». Уже в детстве к главному герою произведения – Мартыну – приходит осознание конечности. Первые страницы романа наполнены смертями, жизнь и смерть постоянно соседствуют друг с другом, становясь неотъемлемыми аспектами бытия человека, принимают активное участие в динамике душевной жизни Мартына.

Смерть маркирует всю жизнь героя. Везде и всюду – и в его детских полувоспоминаниях-полуфантазиях, и за границей, и в швейцарском доме его дяди, и в Лондоне – героя преследуют неотъемлемые от бытия признаки уничтожения. Смерть эксплицируется в романе различными способами: непосредственное упоминание о смерти, метафоризация опейрического состояния – «мертвый сон» гувернантки, изображение гибельности культуры. Смерть, таким образом, осмысливается как всеобщий рок. Гибель неуклонно и постоянно разрушает не только физическую оболочку человека, но и культуру. К финалу романа упоминания о смерти всех и каждого увеличиваются. Кроме этого, именно в конце у Мартына формируется мысль о нелегальном переходе в СССР, приравняемом к самоубийству. Можно говорить о кольцевой композиции произведения: доминирующую позицию, как и в самом начале повествования, занимает тема смерти и связанные с нею мотивы одиночества, осознание жизни как путешествия с одним концом прибытия – смертью. Автором подчеркивается гибельность мира и человека, перасторжимая связь жизни и смерти. Подобная имплицитная кольцевая композиция маркирует позицию Набокова: страх и отвращение перед смертью, жизнь в таком случае осознается как абсурдное существование.

Ключевым эпизодом, определившим развитие Николая – героя романа Газданова «Вечер у Клэр» – становится смерть отца. Стоит отметить, что роман наполнен смертями: ранняя смерть отца, смерть сестер, смерть друга семьи, смерть школьного товарища Николая, смерть людей на войне. Это подчеркнута на композиционном уровне: каждый из периодов жизни Николая – детство, кадетство, гимназия, война – начинаются и заканчиваются изображением смерти. Николай осознает жизнь как трагическое существование, обесмысленное конечностью. Его судьба представляется ему как путь к смерти, путь, наполненный уничтожением, отчаянием, тлением, горьким осознанием своей неспособности удержать кого-либо на «краю пропасти». Автором отмечается единство судьбы всех и каждого перед неизбежностью уничтожения. Смерть одного человека просцируется на жизнь другого, на жизнь собственного «я». Одновременно с этим Газдановым подчеркивается абсолютное одиночество личности перед концом.

В творчестве Набокова и Газданова понятия смерти и бесконечности имеют семантически тождественное значение, воплощаясь в полифункциональных и полисемантических образах бездны, пустоты, пропасти. Погружаясь в бездну смерти, человек сливается с хаосом (у Набокова) или абсурдом (у Газданова). Вселенная в таком случае осознается как беспорядочное и бессмысленное пространство вечного хаоса и абсурда. Образ бездны рассмотрен на примере романа Набокова «Защита Лужина», образ пустоты становится объектом нашего внимания при анализе романа Газданова «Вечер у Клэр».

Реализация пограничной ситуации смерти на уровне земного бытия отражается в объективированной действительности: социальной, пошлой, деспотичной. В своих произведениях Набоков и Газданов отразили низость и пошлость менцальской жизни. Реализация пошлости рассматривается на примерах набоковского рассказа «Королек» и повелды Газданова «Смерть господина Бернара». В набоковедении термин «пошлость» приобретает несколько иное, не просто бытовое, но бытийное значение. «Пошлость» в художественном сознании Газданова и Набокова есть характеристика не только конкретного человека, но и окружающей действительности.

В мире ужаса, пошлости осужденный на смерть человек особенно остро чувствует одиночество. Мир, окружающий человека, страшен и пуст, субъект действительности

представляется чужеродным элементом в хаосе реальности. Пограничная ситуация одиночества отражена в рассказах Набокова и Газданова («Ужас» и «Мартын Расколинос»). В художественном сознании писателей понятия одиночества, любви и смерти тесно связаны. Смерть обусловлена одиночеством человека, его отчуждением от мира. Человек, лишенный любви, осужден на одиночество, а затем и на гибель.

В подобном мире жизнь предстает как путь к смерти. Герои Набокова и Газданова – странники, путешественники. Стоит отметить, что писателями жизнь осмысливается и как краткий, полный иллюзии, миг. Категория мига реализуется на уровне восприятия любви, обуславливая трагизм чувства. Герои писателей либо расстаются, либо один из них погибает или исчезает навсегда.

Особенность набоковской концепции любви, отраженной уже в первом романе «Машенька», заключается в том, что трагизм любовного чувства связан не с социально-историческими изменениями героев, но в большей степени обусловлен динамикой внутреннего мира человека, страхом личности перед этим чувством, неумением человека увидеть вечное в мимолетном. Чувство, казавшееся Ганину юношеским увлечением, приобретает смысло-жизненную ценность для всего последующего его существования. Во внешнем мире преобладает страх человека не только по отношению к феномену, но и по отношению к другому субъекту, другому микрокосму и, более того, – по отношению к самому себе.

Трагическое понимание любви раскрывается Газдановым в романе «Вечер у Клэр» через образ главной героини. Образы Клэр реальной и Клэр идеальной, сложившейся в воображении героя, достаточно антиномичны. Настоящая Клэр – циничная, пошлая, стремящаяся к развлечениям и плотским радостям бытового существования. Это подчеркнуто как на уровне портретной характеристики (автор обращает внимание на ее телесность), так и на символическом уровне. Клэр идеальная коррелируется в воображении героя с популярным в начале XX века образом Прекрасной Дамы, Софии. Таким образом, писателем проводится мысль о несоответствии реального и ирреального образов, чем обусловлен и трагизм любви: сфера идеального не вписывается в узкие рамки бытового существования, образуя непреодолимую преграду в достижении гармонического образа любви.

В произведениях Набокова и Газданова раскрывается дуалистическая концепция мира и человека, согласно которой Истинным бытием становится субъективный мир личности. «Существование в себе» стало объектом пристального внимания в § 4 – «Радость бытия. Преодоление смерти в творчестве В. Набокова и Г. Газданова». В центре творчества писателей находится духовный мир личности. Жизнь в таком случае осмысливается как постоянный поиск Истины и самопознание. Поэтому любая катастрофа, в том числе смерть и изгнание, предстает как возможность обретения Истины, позволяет человеку начать экзистенциальное путешествие.

В подобном существовании ведущей категорией становится любовь, стремление к познанию другого человека как микрокосма. Этим обусловлена субъективация как составляющая художественного сознания Набокова и Газданова. Термин «субъективация» используется в трудах Н. Бердяева при характеристике «существования в себе». Используя данный термин, нам хочется подчеркнуть, что при познании происходит Истинное духовное сближение личностей. Таким образом, под субъективацией мы понимаем прием воплощения в одном человеке множества разных «я». Особенности субъективации рассмотрены в рассказе Набокова «Набор» и романе Газданова «Вечер у Клэр». Через данный прием у писателей реализуется одна из

важнейших задач – создание своей действительности, в которой созидательное «я» находит отражение в читательском сознании.

Субъективирование предполагает общение. В новелле Набокова «Благость» автор раскрывает личность не просто как восстающую в борьбе со смертью, не только одинокую и отчужденную от мира, но, напротив, стремящуюся к обретению единства, братства между людьми.

Необходимо отметить эволюцию взглядов Газданова на жизнь и смерть, одиночество и коммуникацию. Окончательное понимание смысла сущего нашло выражение в рассказах «Панихида», «Нищий», «Записки Иванова» и других произведениях 60-х годов. В творчестве данного периода герой максимально приближается личностным, участие в судьбе окружающих – более действенным, что находит отражение и на уровне поэтики. Если в ранних произведениях перед нами вырисовывается портрет героя-наблюдателя, то в поздних произведениях перед нами – герой, непосредственно принимающий участие в событиях, духовно активный. Вместо «я» и «другие», «я» и «они», «я» и «она» появляется «мы». Таким образом, в художественном мире Газданова формируется понятие, близкое понятию «соборность» в творчестве Н. Бердяева. Именно в поздних произведениях художника возникает образ Вечности, Космоса как отражения Истины. В рассказе «Панихида» Истина предстает в соединении искусства (панихида), коммуникации, жизни (окружающие люди) и смерти (похороны).

Одной из ведущих категорий в подобном мировоззрении становится любовь. Воспоминания о любви возрождают героя в романе Набокова «Машенька», позволяют ему увидеть и почувствовать красоту окружающего мира. Любовь трактуется Набоковым как попытка преодоления смерти. Любовь, по Газданову, позволяет в образе любимой создать земное отражение трансцендентной Истины и пребывать в состоянии постоянного движения. Клар в связи с этим наделяется чертами Прекрасной Дамы. Постоянный поиск, путь к заведомо недоступной Истине позволяют героям писателей воспринять жизнь не только в экзистенциальном, трагическом аспекте, но и моделирует надежду на будущее.

Преодоление смерти тесно связано у Набокова и Газданова с пониманием свободы, реализующейся посредством творческого дара. Для Набокова творец приравнивается к Богу, создает, чувствуя демиургическое блаженство. Осознавая себя хозяином собственного бытия, моделируя собственную Вселенную, человек побеждает хаос Вечности. Кроме этого, творческий дар – это возможность преображения окружающей действительности, возможность увидеть красоту в земном, простом, незначительном. Красота является центральным понятием в художественном сознании Набокова, раскрывает тайну любви к миру. В феномене красоты, таким образом, выявляются для данного автора не только эстетические, но и этические критерии.

Если для героев Набокова свобода заключается в сотворении иной реальности и в попытке исчезновения в придуманном мире, то персонажи Газданова пытаются противостоять силе рока, сохранив воспоминания о предыдущих существованиях, следуют нравственным идеалам человечества.

Понятие свободы Газданов раскрывает в одном из лучших своих рассказов – «Нищий». Самостоятельный выбор пути вопреки воле судьбы, осмысление жизни как иллюзии, стремление поступать только исходя из своих собственных желаний и ощущений, и есть, согласно Газданову, свобода. Понятия свободы и нравственности, ответственности каждого за свои поступки неразрывно связаны. В мировоззрении

Газданова мораль занимает центральное положение и отражает смысл земного бытия индивидуальности.

Понимание творчества тесно связано с концепцией памяти в наследии обоих авторов. Для героев их произведений воспоминания не отделяются от воображения и творчества. Если у Набокова человек живет, пока его помнят другие, то, по Газданову, жизнь человека продолжается до тех пор, пока помнит он. Поэтому, если для Набокова приоритетной областью существования личности становится творчество, в котором выражается авторское стремление навсегда запечатлеть свой образ во множестве других, то для газдановского мироощущения главное – видеть и помнить жизнь такой, какая она есть, сохраняя ее для себя и в себе.

Подобный взгляд на жизнь формирует у писателей амбивалентное понимание смерти. Вместе с этим другим семантическим содержанием наполняются и синонимичные смерти понятия Вечности, бездны, пустоты, а в художественном сознании Газданова переосмысливается и традиционное понятие хаоса.

Так, например, процесс шахматной игры в романе «Защита Лужина» приравнивается к созданию художественного произведения и шире – к рождению индивидуального мира человека – творца. На наш взгляд, прочтение финала произведения сводится к переходу персонажа в собственный мир. В смерти Лужин доводится до цельного человека. В пользу данной версии свидетельствует впервые прозвучавшее в финале имя героя.

Смерть, по Набокову, – это прорыв в идеальную, созданную собственным сознанием и воображением действительность. В мировоззренческой системе Набокова формируется понятие Космоса, противопоставленное понятию хаотической Вселенной. Космос обладает художественными законами построения пространства и подчинен воле и чувству личности.

Следует отметить, что в творчестве Газданова происходит переосмысление понятия «хаос». Хаос в представлении Газданова непосредственно связан с постижением Истинности бытия и собственного «я», поиском ответов на онтологические вопросы. Писателем хаос осознается как постоянная смена образов, событий. Хаотическая смена, непредсказуемость, неизвестность будущего позволяют воспринимать жизнь как вечный поиск, вечное движение к постоянно меняющейся цели. Метель выступает как первородная стихия. Из хаоса, беспорядка и «ничто» рождается мир, из смерти – новая жизнь. Природные стихии (образы метели, реки) воплощают круговорот жизни и смерти, прошлого и будущего. Хаотичность и необъяснимость внешних обстоятельств просцируется и на внутреннее существование героев Газданова. Все вышесказанное не позволяет провозгласить авторское сознание Газданова гармоничным, но о рождении из хаоса нового мира, новой личности говорить правомерно.

Согласно Газданову, человеческое существование проходит в нескольких пространственно-временных промежутках, но возможно пересечение подобных промежутков. Уничтожение газдановских героев зачастую закономерно и обусловлено такими жизненными обстоятельствами персонажей, которые позволяют говорить о их гибели как об очередной ступени человеческого существования на пути к Истине, либо как о преображении героя, о его переходе в некую идеальную «третью жизнь». Ощущение неразрывности взаимоотношений с окружающим бытием и Вечностью герои Газданова получают, исходя из связи с прошлым (чувство принадлежности к человечеству, реализуемое на уровне прапамяти); настоящим (реальное бытие

индивида) и будущим (постоянный поиск Истины и связь с потомками). В подобном подходе к жизни человека и заключается суть бессмертия индивидуальности.

Таким образом, понятия творчества, свободы неотделимо связаны с поиском Истины, то есть с пространственно-временной характеристикой человеческого существования.

Во II главе – «Особенности пространства и времени в художественном сознании В. Набокова и Г. Газданова» – рассматриваются особенности структурирования пространственно-временной модели в творчестве В. Набокова и Г. Газданова. Глава состоит из трех параграфов и раскрывает специфику системы хронотопов в творчестве писателей, онейросферы как элемента картины мира Набокова и Газданова, а также выявляет особенности ремисценсной составляющей, что позволяет представить пространственно-временную модель Набокова и Газданова в целом и постулировать наличие металитературного пространства, в котором подчеркивается его диффузный характер, снимается оппозиция сна и яви, сна и литературы, творчества и жизни, творчества и смерти, пространства и времени.

§ 1 – «Специфика системы хронотопов в творчестве В. Набокова и Г. Газданова» – посвящен анализу времени и пространства в творчестве писателей.

Категории «пространство» и «время» являются важнейшими составляющими как общезыковой, так и авторской картины мира, ключевыми концептами культуры. В своей работе мы опираемся на определение хронотопа, данное в работе М. Бахтина, но учитываем и интерпретацию термина современными исследователями.

Пространственно-временная организация художественных произведений писателей имеет сложную разветвленную структуру, в которой можно выделить следующие хронотопические уровни: бытовой хронотоп, мифопоэтический, национальный и дианациональный, игровой, или карнавальным, личный хронотоп.

Особенности бытового и личного хронотопов раскрываются уже в первых романах Набокова «Машенька» и Газданова «Вечер у Клэр». Набоков и Газданов выделяют социальное, падшее, объективированное время, соответствующее миру внешнему, и время экзистенциальное – личное время, время творческого акта, открывающегося в мгновение - вечность.

Бытовой хронотоп характеризуется цикличностью, статичностью, ежедневной специфической монотонностью происходящих событий. В произведениях Набокова и Газданова на бытовом уровне с мельчайшей достоверностью изображена эмигрантская реальность. В данном типе хронотопа большое значение имеет ночное время всего изображаемого, призванное не только воссоздать реальность происходящего, но и символически отразить нравственный упадок, пустоту в сознании и чувствах персонажей.

Для Набокова и Газданова доминирующей становится задача создания собственного мира личности со своими законами и пространственно-временными характеристиками, изменяемыми в соответствии с развитием носителя данного мира, а не зависящими от условий внешней действительности. Поэтому экзистенциальные мотивы, связанные с поиском высшего смысла существования, являются определяющими для движения героев Набокова и Газданова. В личном хронотопе происходит совмещение прошлого и настоящего, физические характеристики времени и пространства в таком случае нивелируются. Ведущее значение при формировании личного хронотопа приобретают эстетическая (у Набокова) и этическая (у Газданова) составляющие личности. Каждый поступок персонажа оценивается в таком случае с эстетико-философской позиции и одновременно с этим

ею же и определяется.

Познанный мир трансформируется в сознании Набокова в некое его творческое перевоплощение, где время и пространство подвластно автору, а жизнь часто представляется мгновением между прошлым и будущим. Победа над временем становится одной из главных идей писателя. Создать свое пространство – вневременное – вот задача героев Набокова. Преодоление конечности бытия достигается при помощи сотворения художественной действительности, в которой время преодолевается памятью и творческими способностями человеческого гения. Своеобразие набоковского пространственно-временного видения мира заключается в особенном эстетическом типе восприятия действительности. В этом случае приоритет отдается воспоминаниям как способу мифотворчества или сотворения иной реальности.

Многомерность художественного пространства газдановских текстов включает в себя как настоящее, так и давно прошедшее время, не только непосредственные воспоминания повествователя, но и элементы прапамяти («Авантюрист»). Процессы прапамяти могут быть связаны как с другой, предыдущей жизнью личности, так и с коллективным общенсторическим прошлым человечества. Складывается единое – личное – время внутреннего человеческого бытия, в котором синтезируются элементы прошлого, настоящего и будущего, пространство в таком случае отличается многомерностью и включает все уровни существования героев.

Особенность газдановского хронотопа обусловлена авторским представлением о цикличности времени и повторяемости истории. Время в представлении писателя циклично, пространство же представляет собой уровни, на которых воплощается циклизация. Хронотоп Парижа, рассмотренный в романе «Ночные дороги», включает в себя практически все формационные типы развития человеческого общества: рабовладельчество, феодализм, капитализм. Их особенность заключается в том, что их представители сосуществуют в одном пространстве и времени и, пересекаясь друг с другом в бытовом плане, никогда не взаимодействуют интеллектуально и духовно. Взгляд на историю определяется, таким образом, развитием личностного сознания каждого человека, вернее, наличием или, напротив, отсутствием в сознании категории памяти. У Газданова формируется особая категория времени – этическая, а доминирующей характеристикой личности становится память.

Писатели одними из первых начинают осваивать инонациональную среду, герои их произведений зачастую не просто эмигранты, волею судьбы заброшенные в другой – незнакомый им мир, но носители иной ментальности, иной культуры – представители Германии, Франции, Турции. В работе рассматриваются особенности немецкого и французского хронотопов. Они находят воплощение чаще всего в двух наиболее актуальных для авторов пространственно-временных локусах: столица (Берлин и Париж) и провинция.

Инонациональный хронотоп рассказов Набокова «Звонок» и Газданова «Рассказы о свободном времени» характеризуется расширением пространственных рамок, включая в себя не только Германию и Францию, но и Россию, Африку, Норвегию, Италию. Стоит отметить, что в произведениях писателей увеличение пространства происходит как за счет включения топонимов в текст рассказа, так и за счет введения второстепенных персонажей – представителей самых разных национальностей, религий, профессий. Особенностью авторского инонационального пространства становится включение в него российских реалий.

Кроме охарактеризованных хронотопов, в творчестве обоих художников можно

выделить карнавальный, или игровой, хронотоп. Отсюда – восприятие жизни как игры («Приглашение на казнь»). Пространство, окружающее героев, обманчиво, иллюзорно, декоративно. Карнавальный хронотоп реализуется в «Рассказах о свободном времени» Газданова через символику бильярдных шаров. В новелле праздник представляется как всемирное ожидание трагедии и разрушение традиций. Присущее данному хронотопу явление маскарадизации в творчестве Набокова и Газданова призвано отразить ложность окружающего мира.

С карнавальным хронотопом связан и другой тип хронотопа, реализующийся в творческом наследии Набокова – мифологический, структурированный в рассказе «Весна в Фиальте». Для мифологического типа сознания характерно восприятие мира как всегда существующего, неизменного, постоянно возрождающегося, вне временной характеристики, но всегда внутри «божественного пространства». Одной из существенных характеристик мифологического сознания является восприятие бытия через творчество, что непосредственно связано с образом круга, реализующегося через отношения героев в рассказах Набокова «Весна в Фиальте» и «Круг». В последнем образ круга получает развитие и трактуется как возвращение героя к себе, как возможность примирения со своим прошлым. Кроме того, семантические понятия времени и круга в мифологическом времени сближаются, круг представляется символом вечности и искусства.

Во § 2 – «Онейросфера как элемент художественного мира В. Набокова и Г. Газданова» – раскрываются особенности функционирования сна в произведениях Набокова и Газданова. В первой главе исследования мы указали на основную коллизию текстов писателей – «двоемирие», а отсюда – осмысление человеческой природы как двойственной. Это обусловлено острым конфликтом между миром феноменальным, действительным, и миром ноуменальным, ирреальным, часто воплощающимся во сне.

В художественной системе Набокова и Газданова сон синонимизируется одновременно и с понятием о смерти («Картофельный эльф» – «Третья жизнь») и с представлением о жизни («Король, дама, валет» – «Гавайские гитары»). Помимо традиционной для онейросферы психологической и сюжетообразующей функций, сны в творчестве Набокова и Газданова становятся формой отражения действительности. Трагическое восприятие окружающего мира и в то же время стремление к созданию «внутренней вселенной» формируют особую интеграцию сновидения и яви: реальность приобретает сновидческие черты, в то время как сновидение формирует Истинное бытие («Катастрофа» – «Счастье»).

Природа сна у Набокова и Газданова синтетична: в ней интегрированы психологическая (характеристики персонажей), сюжетная (сон образует парадигму всего существования героев) и философская (сон отражает этическое-эстетические позиции писателей) функции.

Сон интерпретируется Набоковым и Газдановым как воплощение мечты, именно поэтому зачастую герои произведений и в частности рассказа Набокова «Катастрофа» и новеллы Газданова «Счастье» во сне переносятся в свою мечту, в мир Истинный. Все реализации мечты объединены творческим вдохновением их носителей-художников, способных силой воображения преобразить мир, построить свою реальность. Сон является прорывом в подобную действительность. В таком случае между реальностью, воспоминанием, мечтой и сном проводятся параллели, при этом моделируется метапространство – пространственно-темпоральный континуум внутреннего бытия личности. Подобный сон трактуется нами как сон-пробуждение от

иллюзий мира, сон-откровение, дарованный для осознания смысла земного пути как поиска Истины.

Сон как художественная действительность обладает своими внутренними законами построения определенного мира, который отражает состояние героя, динамику в его сознании, обладает уникальными темпоральными и пространственными характеристиками. В произведениях Набокова и Газданова хронотоп сна чаще всего раскрывается через игровую и мифологическую символику.

Игровая составляющая онейрического хронотопа реализуется в романе Набокова «Король, дама, валет» в сцене ночного посещения магазина Франца с Драйером. В данном пространстве окружающие предметы теряют реальность очертаний, приобретая фантастические, мифологические черты. Для данного пространства характерна быстрая, неожиданная смена декораций. Пространство символично: элементы, формирующие его, с одной стороны, выполняют прогностическую функцию, указывая на трагизм развязки, с другой стороны, – подчеркивают игровое начало хронотопа. Сон и подобные ему состояния выступают в таком случае пространством «между», в котором нивелируются и снимаются границы сна и реальности, жизни и смерти, бытия и ипобытия.

Особенность функционирования онейрического хронотопа в творчестве Набокова можно рассмотреть и в рассказе «Катастрофа», в котором онейрический хронотоп, наряду с городским, формирует художественное пространство произведения. Автор намеренно противопоставляет верх – низу, мечту – обыденности, сон – жизни. При катастрофе происходит движение героя к Истинным сферам бытия. Волшебство ситуации подчеркивается с помощью введения эпитетов и метафор, характерных для описания волшебного пространства, в котором бытовые вещи приобретают необыкновенную, волшебную окраску. Биполярное пространство создает и цветопись, подчеркивающая яркость, радужность «охрамого блеска» колонн, балконов и карнизов в противоположность тусклым фасадам домов. Автор не только подчеркивает противоположность бытового хронотопа хронотопу мечты героя, не только резко проводит границу между ними, но и последовательно ведет героя от низа к верху, от быта к мечте, от жизни ко сну, воплощающим жизнь Истинную.

Особенности онейрического хронотопа Газданова раскрываются в третьей повелле цикла «Рассказы о свободном времени». Сон вводится в повествование в связи с образом рассказчика. Происходит смещение понятий времени и пространства, время мыслится категориями пространства: комната приравнивается к трем годам прошлого. Наблюдается неразрывность, слитность категорий времени и пространства, что характерно для мифотворчества. Хронос сна мифологичен: есть точка отсчета для пути героя, в котором он проходит своеобразную инициацию (Россия), синтез времени и пространства и, преодоление пространственно-темпоральных границ. Пространство онейрического состояния фантастично, домысленно, создано с помощью воображения человека. В хронотопе сна синтезируется понятие о трех видах времени: оно включает настоящее человека, его воспоминания (прошлое) и, зачастую, при осуществлении прогностической функции, раскрывает перед ним будущее.

Во многих произведениях Газданова сон и воспоминания коррелируются не только в содержательном и концептуальном аспектах, но семантическое единство данных элементов выражается и на уровне поэтики. Так, например, переход в состояние сна и воспоминания передается через глаголы «погружаться», «впадать», в

то время как выход из состояний характеризуется глаголами «очнуться», «прийти в себя», «опомниться», «найти себя». Это указывает на тождественность восприятия сна и воспоминания как промежуточного пространства. Сон есть отражение действительности, но переосмысленное, как и воспоминание, часто дополненное, доконструированное с помощью воображения. При этом формируется личное время. Оно утрачивает категориальные признаки настоящего, прошлого и будущего, вернее, физические характеристики синтезируются в бесконечности. Сон в таком случае трактуется как воспоминание о прошлом, причем эти воспоминания охватывают как прошлое реального мира, так и давно прошедшие события иного временного пласта, иной жизни человека. Сон – промежуточное пространство, синтезирующее в себе как признаки и реалии феноменального мира, так и образы, отраженные в мире поуменальном, именно этим обусловлена амбивалентность восприятия онейрических состояний.

Сон в творчестве Набокова и Газданова часто соотносится с мгновенным приближением к инобытию, он есть своеобразное окно в трансцендентный мир. С этим связаны онейрические образы: образ окна, символизирующий пространство между ирреальностью и реальностью; образ улицы – коридор в Вечность. Многогранен образ стен: с одной стороны, они символизируют невозможность познания человеком Истины, с другой, – передают одиночество личности в мире. В то же время изображение стен призвано отразить жизненные и смертные начала. В авторской концепции сна Газданова онейрическое состояние соотносится с образами реки и воздуха, являющихся метафорически выраженными обликами Истины. В творчестве писателя наблюдается синтез стихий, выступающих первоэлементами в картине мира художника. Это – единство водной и воздушной стихий. Вода представляет собой земное начало, воздух – небесное. Образ водного и воздушного потока можно трактовать как метафору границы между бытием и инобытием, между реальностью и трансцендентальностью.

В § 3 – «Реминисценция как составляющая художественного пространства В. Набокова и Г. Газданова» – рассматриваются реминисценции, структурирующие художественное пространство в произведениях писателей. В разделе выявлены и прослежены интертекстуальные связи между произведениями исследуемых авторов и произведениями мировой литературы, в частности исследуются реминисценции из произведений У. Шекспира, Р.-Л. Сервантеса, Г. Уэллса и русских художников: А. Пушкина и Л. Толстого. Мы обращаемся только к авторам, интертекстуальные связи с которыми можно установить как в текстах Набокова, так и в произведениях Газданова. Это позволит с одной стороны, выявить контактно-генетические связи, с другой – смоделировать интертекстуальное поле в наследии Набокова и Газданова.

В литературном наследии Газданова и Набокова отразилась парадоксальность сознания молодых писателей первой волны русской эмиграции с ее противоположными векторами: с одной стороны – со стремлением сохранить национальные традиции, с другой, – с тягой к общемировому творческому наследию, реализующейся в реминисцентной составляющей произведений писателей-эмигрантов.

Текстовая ткань наследия Газданова и Набокова перенасыщена литературными реминисценциями (из произведений как русских, так и зарубежных писателей), а также философскими, историческими и библейскими, что позволяет говорить о реминисцентной организации текста как нового способа художественного освоения реальности.

Мы классифицировали реминисценции и аллюзии, выделив образные, концептуальные, психологические реминисценции, автореминисценции, теоретико-полемические реминисценции и структурные гнезда – «полигенетические реминисценции»².

Наше внимание в настоящей работе привлекают реминисценции в первую очередь образные и концептуальные. Образные реминисценции мы находим в произведениях обоих авторов. В образе Дон Кихота синтезируется представление Набокова и Газданова о жизни как экзистенциальном путешествии и смысле земного существования человека: поиска Истины, воплощающейся в образах любимой женщины, родины, литературного творчества, смерти. Соня («Подвиг») и Клэр («Вечер у Клэр») наследуют черты Прекрасной Дамы, в служении которой заключена цель жизни героев. Стремясь к воссоединению с героями, персонажи постигают свой внутренний мир.

Ироничен и протемлемо связан с шекспировским Гамлетом образ Платона из «Ночных дорог». Основу архитектоники образа Платона составляет контраст между его рационализмом и владеющими им страстями, что обуславливает наличие логического парадокса. Через данный авторский прием реализуется одна из творческих установок Газданова – моделирование конфликтной ситуации между сознанием современного человека и абсурдной действительностью.

Набокова и Газданова волновали проблемы, связанные с общим нравственным упадком современной цивилизации. Этим обусловлен и интерес писателей к романам Р.-Л. Стивенсона и Г. Уэллса, в которых раскрываются истоки названной проблемы.

Исходя из нашей классификации, данные реминисценции являются концептуальными, т.к. помогают глубже раскрыть одну из основных проблем творчества писателей – проблему соотношения исторического пути цивилизации и развития личности. Тема гибельного пути истории, являющаяся одной из центральных тем Уэллса и Стивенсона, неоднократно возникает в прозе Набокова и Газданова. Культура и цивилизация, по мнению писателей, идут диаметрально противоположными путями: развитие цивилизации губительно для человечества, культура, являясь средоточием всего лучшего, накопленного веками, становится для людей спасением и выходом из бездны.

Обратимся к реминисценциям из русской литературы в творческом наследии Набокова и Газданова.

Писатели активно исследуют пушкинский текст, причем их внимание привлекает как поэтическое творчество Пушкина, так и его проза. Стоит отметить интерес обоих авторов к мистической теме карточной игры, воплощенной Пушкиным в повести «Пиковая дама». Реминисценции и аллюзии к данному произведению исследователи отмечают в романе Набокова «Король, дама, валет». Тема карточной игры исследуется Газдановым в ранее не публиковавшемся рассказе «Ход лучей», датированном 1930 годом.

Набоков и Газданов при обращении к произведению Пушкина, переосмысливают темы двойничества, рока, губительности цивилизации.

Одним из любимых писателей Набокова и Газданова был Лев Толстой. Имя Толстого становится в творчестве Газданова мерилом, на основании которого осмысливаются другие произведения искусства.

² Атаманова Е.Т. Реминисценции из русской классической литературы как феномен прозы И.А. Бунина. Учебно-методическое пособие к спецкурсу. – СПб, 2000. – С.14.

В данном параграфе прослежены интертекстуальные связи между повестями Толстого «Альберт», «Демон» и «Крейцера соната» и произведениями исследуемых авторов.

Очевидна связь между названной повестью Толстого «Альберт» и новеллой Набокова «Бахман». Произведения писателей реализуют одну задачу: показать неценность гения в мире, отразить двойственность творца, подчеркнуть амбивалентность дара: с одной стороны, только в искусстве открывается для гения миг счастья, с другой, — он обречен на непонимание, одиночество. В центре произведений — тема красоты, ставшая основной в этико-эстетической системе Толстого и Набокова. Как Альберт Толстого, так и Бахман Набокова изображены истинными служителями искусства, а оба произведения призваны осветить тему назначения искусства и роли художника в обществе.

В повести Толстой раскрывает и тему воздействия искусства на людей. Данная тематика находит отражение в рассказе Набокова «Музыка». По нашему мнению, можно говорить о едином интертекстуальном пространстве, возникающем в рассказе Набокова, синтезирующем в себе реминисценции и аллюзии сразу на два произведения Толстого: «Крейцера соната» и «Альберт».

В произведениях Толстого и Набокова музыка моделирует особый — музыкально-репрезентативный — хронотоп, в котором происходит и сокращение и одновременно с этим увеличение пространства. Сокращение пространства обусловлено созданием определенного топоса, включающего пространство только двух людей; увеличение пространства происходит с помощью введения разнообразных локусов воспоминания: моря, домика, сада. Время в таком случае сворачивается и подчиняется воспоминаниям героя, его внимание акцентируется на самых ярких впечатлениях любовного периода. При исчислении времени учитываются не физические характеристики, а эмоциональные ощущения персонажей. Время продлевается и сокращается в соответствии с желаниями героя. Пафос рассказов заключается в изображении влияния искусства на человека: музыка пробуждает от «сна жизни».

Газданов в своем творчестве обращается к произведениям Толстого, переосмысливая его наследие в соответствии со своей этико-эстетической системой. В рассказе «Великий музыкант» Газданов исследует роль музыки, создающей определенное пространство, раскрывающей истинные цели и характер героев. Музыкальная тема введена уже в название произведения. Атмосфера кафе соотносится с музыкальным миром Ромуальда и становится не просто декорацией, на фоне которой разворачиваются события, но во многом предопределяет развитие сюжета. Писатель создает определенный музыкальный хронотоп в произведении, в соответствии с которым время замедляется, прошлое синтезируется с настоящим и будущим. Пространство подобного хронотопа волшебное, ирреально.

Кроме этого, возникают параллели между повестью Толстого «Крейцера соната» и новеллой Газданова. Толстовский герой, совершивший убийство жены под воздействием Крейцеровой сонаты, становится прообразом сразу двух персонажей «Великого музыканта»: самого Ромуальда, в котором ощущается эгоцентризм героя Толстого, и Сверлова — человека страсти, главным увлечением которого стали женщины.

Воздействие музыки на душу и жизнь человека — ключевая идея газдановского произведения. С основной идеей связана кульминация новеллы — эпизод, повествующий о концерте Шаляпина. В рассказе прослеживается несколько

параллельных линий: страсть Елены Владимировны к Ромуальду и страсть Бориса Аркадьевича к ней; Великий музыкант Ромуальд Карелли и Великий музыкант – Шляпин – истинный гений музыки; мир, созданный голосом Карелли, воссоздающий современную действительность, и миры, создаваемые голосом Шляпина, отражающие Истинное бытие. По-настоящему великий музыкант способен не только сотворить миры и заставить окружающих поверить в их существование, как это делают оба музыканта у Газданова, но и посредством искусства нравственно воздействовать на человека, что происходит только в случае с гением музыки – Шляпиным. Для этого, по Газданову, необходимо не только иметь талант, но и быть нравственным, то есть, обладать воспоминаниями и мечтами о будущем. Данная мысль сформировалась у Газданова под влиянием творчества и личности Толстого.

Кроме этого, при переосмыслении отечественного литературного опыта, молодые представители обращаются к одной из доминирующих в их творчестве тем – соотношения искусства и искусственности. Искусство для них – высший смысл бытия, возможность на миг заглянуть в ирреальность, осмыслить цели жизни, ответить на экзистенциальные вопросы. Искусственность противоположна искусству – она джива, порочна и пошла. В то время как искусство благотворно влияет на жизнь человека, искусственность извращает сознание людей. Прерогатива искусства – Истинное пространство, искусственности – пошлая обыденность.

В **Заключении** подводятся итоги работы, делается вывод о типологическом сходстве творчества Набокова и Газданова. Выводы, полученные в исследовании, позволяют указать на единство литературного процесса Русского Зарубежья, выделить типологические черты, характерные для «незамеченного поколения», сформулировать отличия «старших» от «молодых» и, в тоже время, указать на сходство позиций художников разных поколений, что позволяет провозгласить творчество молодых писателей в целом и в частности Набокова и Газданова логично вписывающимся в русскую литературную традицию.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Шिताкова, Н.И. Особенности хронотопа в романе Г. Газданова «Ночные дороги» // Ученые записки. – Том I. – Литературоведение. – Вып.2. – Орел: Издательство Орловского государственного университета, ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2007. – С. 59-64.

2. Шिताкова, Н.И. Танатологические мотивы в прозе Ивана Бунина и Гайто Газданова // Бунинские чтения в Орле – 2008. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящ. 75-летию присуждения писателю Нобелевской премии. – Орел: ОГУ, 2009. – С. 86-93.

3. Шिताкова, Н.И. «Пошлость» в произведениях В.В. Набокова и Г.И. Газданова // Славянский сборник: Материалы VII Международных Славянских Чтений «Русская цивилизация: диалог в культурном пространстве» (30 апреля 2009г., ОГИИК). Вып. 7. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры: Издатель Александр Воробьев, 2009. – С. 233-238.

4. Шिताкова, Н.И. Философия Б. Паскаля и творчество В. Набокова // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Междунар. Конгресса литературоведов. К 125-летию Е.И. Замятина. 5-8 окт. 2009 г. / отв. ред. В.Л. Полякова. – Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009. – С. 298-303.

---

5. Шिताкова, Н.И. Литературные реминисценции в творчестве Гайто Газданова // Проблемы литературоведения с точки зрения молодых ученых. – Орел: ОГУ, 2009. – С. 136-143.

6. Шिताкова, Н.И. Образ главного героя в романе Г.И. Газданова «Вечер у Клэр» // Литературный персонаж как форма воплощения авторских интенций: Материалы Международной научной интернет-конференции (г. Астрахань, 20-25 апреля 2009г.). – Астрахань: издательский дом «Астраханский университет», 2009. – С. 127-130.

7. Шिताкова, Н.И. И. Бунии и Г. Газданов: творческие связи // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2009. – № 3. (33) – С. 151-158. (издание из перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, аккредитованных ВАК).

8. Шिताкова, Н.И. Реализация мифологемы «жизнь есть сон» в творчестве В. Набокова и Г. Газданова // Славянский сборник. Вып.8: материалы VIII Международных Славянских Чтений «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия» (22-23 апреля 2010 г., ОГИИК). – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры: Издатель Александр Воробьев, 2010. – С. 103-107.

9. Шिताкова, Н.И. «Агностицизм» В. Набокова и Г. Газданова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2010. – № 3 (37). – С. 228-233. (издание из перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, аккредитованных ВАК).

Подписано в печать 19.05.2011 г. формат 60x80 1/16
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 1,3 усл. п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 52

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе
редакционно-издательского отдела
ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
тел. (4862) 74-45-08

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

2014
11311

11-11311